

ДОМ СОЛНЦ

*Грэйс и Грэйс,
старшей и младшей сестрам,
с любовью*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Родилась я в доме с миллионом комнат¹, построенном на крохотной безвоздушной планете у границы империи света и торговли. Взрослые называли империю Золотой Час по причине, которую я поняла не сразу.

В ту пору я была девочкой, единой личностью по имени Абигейл Джентиан, или Горечавка.

За тридцать лет детства я увидела лишь часть огромного, постоянно меняющегося дома. Даже когда подросла и получила разрешение бродить где захочется, я вряд ли разведала более сотой его части. Меня пугали длинные страшные коридоры из стекла и зеркал, спиральные лестницы, поднимающиеся от темных подвалов и склепов, в которые не спускались даже взрослые. Меня пугали покои и залы, где — вообще-то, при мне взрослые и слуги это не обсуждали — обитали привидения, по крайней мере постоянных жителей-людей там никогда не было. Лифты тоже пугали, пассажирские и кухонные, когда двигались без указания присутствующих, по непостижимой воле властителя дома. Иными словами, не дом, а рассадник чудищ и призраков: в темных закоулках — упыри, за стенными панелями — демоны.

Был у меня один настоящий друг, только имени его я уже не помню. Навещал он меня редко, надолго не задерживался. За приближением и стыковкой его личного шаттла мне разрешалось наблюдать из герметичного бельведера со стеклянными окнами, расположенного на самой высокой башне дома. Я радовалась, когда мадам Кляйнфельтер позволяла мне подниматься

¹ Существует реальный прототип дома матери Абигейл Джентиан — дом Винчестеров (дом № 25 на Винчестер-бульваре в Сан-Хосе, штат Калифорния).

в бельведер, и не только потому, что это означало скорое при-
бытие моего единственного настоящего друга. Оттуда просматри-
вался весь дом и бóльшая часть планеты, на которой его по-
строили. Дом расплзался во все стороны и упирался в ломан-
ную линию горизонта, в скалистую границу моей родины.

Иначе как странным мой дом не назовешь, хотя долгое вре-
мя мне было не с чем сравнивать. Ни логики, ни симметрии,
ни гармонии в нем не наблюдалось. Если некий замысел и при-
сутствовал изначально, его уничтожили бессчетные пристрой-
ки и перепланировки, которые никогда не прекращались. Ат-
мосферы, следовательно, и осадков на планетоиде не было, хо-
тя, судя по проекту, дом предназначался для планеты, где дождь
и снег не редкость. Каждую часть дома, каждое крыло и башню
венчала крутая крыша с синей черепицей. Тысячи крыш стыко-
вались друг с другом под самыми невероятными углами. Баш-
ни с часами и без, трубы и бельведеры в беспорядке усеивали
крышу, напоминая хребет динозавра. Кое-где два этажа,
кое-где двадцать с лишним — одни части дома возвышались над
другими. Крытые переходы с окнами соединяли башни, и по-
рой за освещенными амбразурами угадывался крадущийся си-
луэт. Мой дом больше напоминал город, только пересечь его
можно было, не выходя на улицу.

Повзрослев, я поняла, почему дом именно такой и почему
строительство не прекращалось, а ребенком просто принимала
это как данность. Я знала, что наш дом отличается от тех, что
показаны в книжках и энциклокубах, но ведь жизнь в книгах
и кубах даже отдаленно не напоминала мою. Еще не научив-
шись читать, я поняла: наша семья богата; мне внушили, что
равных нам по достатку — раз-два и обчелся.

— Абигейл Джентиан, Горечавка, ты особенная юная леди, —
однажды заявила мама, когда ее неувядающее лицо в очеред-
ной раз взирало на меня с экранов. — Тебя ждут великие дела.

Сколь великие, мама и представить себе не могла.

Я быстро сообразила, что тот мальчик, мой гость, тоже из
богатой семьи. Он прилетал на собственном корабле, а не на
рейсовом — из тех, что перевозили менее знатных. Я наблюда-
ла, как корабль прибывает из дальнего космоса, как замедляется
на длинном языке кобальтового пламени, как потом застывает
над отдаленными крыльями дома, как принимает посадочную

конфигурацию, выбрасывает шасси и с элегантною точностью опускается на площадку. Герб нашего дома — черный пятилистник, герб его дома — две сцепленные шестерни, именно он красовался на обтекаемом корпусе корабля.

Едва шаттл приземлялся, я выскакивала из бельведера и неслась вниз по винтовой лестнице. Клон-няне, присматривавшей за мной в тот день, приходилось везти меня к лифту, пересекать со мной дом по горизонтали и вертикали, пока мы не добирались до стыковочного крыла. Примерно в это же время мальчик неуверенно спускался по длинному, устланному ковром трапу в сопровождении двух роботов.

Роботы, громадины из потускневшего серебра с головой, туловищем, руками и большим колесом вместо ног, пугали меня. Грубый клин головы, а лицо — одна вертикальная линия, как бойница в крепостной стене, ни глаз тебе, ни рта; руки сегментные с трехпалой клешней на конце. Такими только мясо и кости перемалывать. Мне казалось, роботы сторожат мальчишку, чтобы не удрал; казалось, они пытаются его, творят с ним такие жуткие вещи, что бедняга не заговаривает о них даже наедине со мной. Лишь повзрослев, я сообразила: роботы охраняли мальчика, а сложная схема искусственного интеллекта предусматривала нечто опасно близкое к любви.

Роботы доезжали до конца трапа и останавливались у деревянного пола приемного зала. Мальчик мешкал, но все-таки спускался, цокая блестящими туфлями по начищенному паркету. Черноту его наряда разбавляла белизна манжет и большого кружевного воротника. Черные напомаженные волосы гладко зачесаны назад, за спиной рюкзачок. Лицо у мальчишки было бледное, щекастое. Глаза круглые, темные, какого именно цвета — не определить.

— У тебя странные глаза, — вечно твердил он мне. — Один голубой, другой зеленый. Что же тебе их при рождении не поправили?

Роботы разворачивали корпус в поясе, ехали обратно в шаттл и ждали там, пока не наступала пора забирать мальчика и улетать.

— Здесь трудно ходить, — вечно ныл мальчик, неуверенно ступая. — Все слишком тяжелое.

— Мне нормально, — говорила я.

Много позже я догадалась, что мальчик прилетал из той части империи, где стандартную гравитацию снизили вдвое, поэтому на нашем планетоиде он двигался с трудом.

— Папа предупреждал, здесь опасно, — сказал мальчик, когда мы с двумя нянями в кильватере шли в игровую.

— Что опасно?

— То, что под вашей планетой. Тебе про это еще не рассказывали?

— Под нашей планетой лишь камень. Я знаю, смотрела в энциклокубе, после того как ты наговорил мне, что в пещерах под этим домом живут змеи.

— Энциклокуб наврал тебе. Кубы врут, когда хотят скрыть от детей правду.

— Они не врут.

— Тогда спроси родителей про черную дыру. Она прямо сейчас под вашим домом.

Мальчик наверняка знал, что мой папа умер, а маму я вижу только на мониторах.

— Что такое черная дыра?

Мальчик задумался.

— Дыра вроде чудища, вроде гигантского черного паука на невидимой паутине. Она хватает все, что подползает слишком близко, жалит и сжирает заживо. Дыра очень большая, и она как раз под вашим домом.

— А со змеями что? — поинтересовалась я, решив поумничать. — Паук их съел?

— Про змей я соврал, — беззаботно отмахнулся мальчишка. — Зато про дыру серьезно. Не веришь мне, спроси энциклокуб. Ее твоя семья устроила, чтобы сделать все тяжелее. Если бы не дыра, мы бы сейчас летали.

— Как же паук делает все тяжелее?

— Я сказал «вроде паука», а не что паук настоящий. — Мальчишка взглянул на меня с жалостью. — Дыра как голодный сосущий рот, который не насытить. Поэтому она тянет все к себе, делая нас тяжелее. Но по той же причине она и опасна.

— Так говорил тебе отец?

— Не только отец. Все можно узнать из энциклокуба, если задавать правильные вопросы. Нужно действовать не напрямую, а обходными путями, как кошка, когда за мышью крадется. То-

гда удастся обмануть куб и выпытать то, что ему запрещено говорить. Однажды черная дыра проглотила целый планетоид побольше этого. Засосала, как канализация воду. Буль-буль-буль!

— Здесь такого не будет.

— Ну ладно-ладно.

— Я не верю! Ты же соврал про змей, зачем мне сейчас тебя слушать?

Злоба вдруг исчезла с мальчишкиного лица, словно мой настоящий друг только-только появился, а дразнил и подначивал меня вредный самозванец.

— Абигейл, у тебя есть новые игрушки?

— У меня всегда есть новые игрушки.

— Я спрашиваю про особенные.

— Есть кое-что, — проговорила я. — Очень хотела тебе показать. Это вроде кукольного домика.

— Кукольные домики только для девочек.

— Ну, тогда не покажу, — заявила я и, повторяя его слова, добавила: — Я сказала «вроде домика», а не что домик настоящий. Это Палатиал, замок, которым можно управлять, с собственной империей. Зря ты отказался, тебе бы понравилось. Ладно, нет так нет. Поиграем в другие игры. Можно пойти в лабиринт настроений или в летадром.

Я тоже научилась манипулировать окружающими и успела немного разобраться в мальчишеской психологии. Понимала: мой гость корчит безразличие, а сам только и думает о кукольном домике. Что же, любопытство более чем оправданное; меня так и подмывало похвастаться новой игрушкой.

Мы с мальчиком и нянями пришли в игровую — мрачно освещенную комнату с глухо закрытыми окнами. Я вытащила коробки, выдвинула ящики и достала игрушки, с которыми мы играли в его последнее посещение. Мальчишка вывалил из рюкзака свои любимые игрушки. Кое-что я помнила с прошлого раза — дракона с чешуйчатыми крыльями, который облетел игровую, полыхая розовым огнем, потом сел хозяину на руку и обвил ее хвостом; солдатика, который прятался, стоило нам закрыть глаза, — в прошлый раз мы искали его несколько часов. Еще запомнились стеклянные шарики с цветными разводами, которые по нашей команде складывались в разные фигурки или, наоборот, сами складывались в фигурки, а нам сле-

довало угадать, что это. Еще была головоломка-пазл, а еще заводная балерина, которая танцевала где угодно, даже на кончике пальца.

Мы поиграли, няньки доставили нам печенье и лимонад на летучем столике. Где-то в доме пробили часы.

— Теперь я хочу увидеть кукольный домик, — заявил мальчик.

— Но ты же отказался.

— А теперь хочу его увидеть, очень хочу.

Тогда я отвела его в комнату-в-комнате и показала Палаиал. Мальчик пришел в восторг, хотя я продемонстрировала лишь часть возможностей замка. Я поняла, что он мне завидует и в следующий раз тоже непременно захочет его увидеть.

Так я впервые почувствовала, что он в моей власти. Мне очень понравилось.

ГЛАВА 1

Я поднял бокал вина, но опьянел, еще не пригубив его, — мне хватало одного пейзажа.

— За безопасность вашей цивилизации и системы, мистер Небьюли!

— За вашу цивилизацию! — подхватила Портулак на другом конце стола.

— Спасибо, — поблагодарил мистер Небьюли.

Мы сидели у пляжа, наслаждаясь вином и теплым вечером. На планете кентавров ночи не такие, как на других. Планета вращается вокруг звезды, излучающей много ультрафиолета, поэтому хранители закрыли ее атмосферу защитным пузырем, таким прозрачным экраном, для кентавров вполне приемлемым, в отличие от бронированной оболочки, которая понадобилась бы, если бы Дом Мотыльков переместил их систему. Днем пузырь отводит лучи и гасит обжигающий голубой блеск. Ночью он усиливает свет тусклейших звезд или газовых облаков до уровня, на котором человеческий глаз различает цветовые нюансы. Млечный Путь казался многокостным хребтом, изогнувшимся над горизонтом, туманность — остаток сосед-

ней сверхновой — рубиново-красным мазком, почерневшим по краям, пульсар в ее сердце — мигающим маяком. Рассеянное скопление голубых звезд в двух сотнях световых лет отсюда мерцало, как электрогирлянда. Звезды-карлики в нескольких световых годах от этой системы сияли янтарным и золотым, суля жизнь, убежище и десятки миллиардов лет стабильности благодаря медленному выгоранию в них водорода. Виднелась даже Пустошь — пятнышко беззвездного, безгалактического мрака там, где была Андромеда.

Небо было прекрасным, роскошным, как в наркотической галлюцинации, но все равно напоминало о Пустоши. Сразу пришло на ум обещание, данное доктору Менинксу, которое я пока не сдержал и выполнение которого сейчас висело на самом тонком волоске.

Оставалось надеяться, что кентавры помогут.

— Шаттерлинг Лихнис, уверен ли ты, что звездамба не создаст нам проблем в будущем? — спросило четвероногое существо, стоящее у стола.

— Не беспокойтесь, мистер Небьюли, ваша цивилизация снова в безопасности.

— Замечу, что смертельная опасность ей и не угрожала, — напомнила Портулак, крутя в руке бокал с вином.

— На брешь в звездамбе глаза не закроешь, — с улыбкой проговорил я. — Неисправность устранена. Мы ее возводили, нам и ремонтировать — именно так принято в Линии Горечавки.

— Думаю, наше беспокойство понятно. Нам представили и другие планы спасения, но дали понять, что ремонт звездамбы сопряжен с наименьшим риском.

— Так оно и есть, — отозвался я.

Полтора миллиона лет назад в сверхмассивной звезде, отдаленной от мира кентавров на одиннадцать световых лет, появилась неустойчивость. Перерожденцы пытались откачать содержимое ядра через червоточину, но невероятная плотность и температура мешали работе стабилизирующих устройств, которые держали ее открытой. Вмешательство хранителей не спасло бы биосферу планеты. Таким образом, оставалось только два варианта, не считая эвакуации системы. Линия Шашечницы и Дом Мотыльков, считались экспертами в перемещении звезд. Они предлагали бесплатно сместить либо звезду, либо систему,

а в обмен просили эксклюзивные права торговли с кентаврами на следующие два миллиона лет. Оба способа казались рискованными. Сместить звезду значило вытолкнуть ее с галактического диска, пока не произошел взрыв, однако подобные действия порой вели к преждевременной детонации. Вполне можно было переместить систему, но саму планету на это время следовало инкапсулировать для защиты от межзвездной радиации и космического мусора. Клаустрофобы-кентавры отвергли такой план.

Тогда кентаврам представилась Линия Горечавки, Дом Цветов. Ради престижа в Союзе мы предложили идеальный вариант — они остаются на месте, защищенные от капризов нестабильной звезды. Вокруг сверхгиганта мы возведем звездамбу. Когда сверхгигант взорвется, ударная волна останется за дамбой, надежно блокированная экраном из идеальных зеркал.

Разумеется, кентавры встретили нас скептически. Но у Линии Горечавки огромный опыт в таких проектах. Звездамбами мы славимся на весь Союз. Мы возводим их десятки циклов, миллионы лет.

К началу переговоров с кентаврами ни одна дамба Горечавки не рухнула.

Разумеется, это наша заслуга, но с оговоркой. Мы возводим звездамбы, но из готовых деталей, оставленных Предтечами. Они сделали за нас самое трудное — выковали миллионы миров-колец и, как ободья, накинули их на звезды. Потом Предтечи бросили миры-кольца и вымерли.

Примерно через миллиард лет мы начали их собирать. Мы бороздим космос в поисках осиротевших, беззвездных миров-колец, прикрепляем толкатели к их темным сторонам и запускаем через галактику на черепашьей скорости. Запускать надо с осторожностью, иначе кольца рассыплются на триллионы сверкающих осколков. Они прочные, но разрушиться могут. Зато они блестящие. Ничто во Вселенной не блестит ярче. Зеркальная внутренняя поверхность отражает все, включая нейтрино, которые легко проходят через пятьдесят световых лет прочного свинца.

Чтобы соорудить дамбу и полностью изолировать звезду, нужна оболочка Дайсона. Люди способны заслонить звезду небесными телами, то есть создать рой Дайсона, но в сфере нам их

не слить. Зато мы можем ее сымитировать, окружив звезду тысячами миров-колец примерно одной ширины, но разного диаметра. Мы устанавливаем миры-кольца под разными углами к эклиптике. Чем больше колец, тем меньше остается щелей для света звезды. Заслонки смыкаются на слепящем фонаре.

Раз! — и вместо звезды темная сфера. Оболочка сдерживает энергию гаснущей звезды, точнее, световая энергия снова и снова отражается от безупречных зеркальных поверхностей. Погашенная до безопасной интенсивности, она, фотон за фотоном, просачивается в космос.

На это уходит невероятно много времени. Если звездамба рухнет прежде, чем начнет рассеиваться накопленная энергия, последствия будут ужаснее, чем от взрыва, который она призвана предотвратить.

Я преувеличил, сказав, что мы спасли местную цивилизацию, хотя проблема со звездамбой впрямь существовала. Дал сбой один из толкателей — механизмов, которые удерживают миры-кольца на месте. Открылась похожая на глаз брешь, и наружу полился губительный свет.

Меня отправили чинить поломку. С последнего сбора нашей Линии новый толкатель послушным щенком следовал за «Лентяем», моим кораблем. В арсенале у меня имелись «бусы» из латунных шаров, они же одноразовый ключ. Подсоединяешь такой к определенной звездамбе и получаешь временный доступ к ее внутренним устройствам. Прежде чем заглянуть к кентаврам, я воспользовался ключом — испустив гравитонный сигнал, он рассыпался в блестящую пыль — и установил новый толкатель.

Работа выполнена. Портулак считала, что самое правильное — отбыть, не заглядывая к кентаврам, не выпрашивать благодарности.

Вне всяких сомнений, она была права.

— Звездамбу вы выбрали правильно, — заявила Портулак, не сомневаясь, что обращается к далекому потомку существ, с которыми наша Линия имела дело изначально. — Но и разочарование ваше можно понять. Вы ждали от нас лучшего.

Мистер Небьюли шаркнул копытом:

— Ничего страшного.

— Тем не менее примите извинения от имени нашей Линии. Мы гарантируем, что ничего подобного впредь не слу-

чится. — Портулак не скрывала, что она тоже шаттерлинг Горечавки. Сожительство наша Линия не одобряла издавна, зато нынешние заказчики славились деликатностью. — Если Линия Горечавки может оказать вам иную услугу, я с удовольствием подниму этот вопрос на нашем следующем сборе. Вы благодарнейшие из заказчиков, мы не заслужили столь милостивого отношения. Все, что вы сделали для нашего гостя доктора Менинка...

— Легок на помине, — буркнул я, взяв со стола древний бинокль.

— Это ваш гость? — спросил мистер Небьюли.

— Он самый.

— Он путешествует на любопытнейшем устройстве. Что это за круглые штуковины по бокам? Они вертятся...

— Колеса, — ответила Портулак.

— Это его купальная машина, — пояснил я.

Купальная машина — изъеденный ржавчиной черный ромбид на четырех шасси — появилась из грузового отсека моего корабля, спустилась на рампу и, изрыгая дым, загромыкала с посадочной площадки мимо разрушенных домишек сонного приморского городка к потрескавшемуся бетону древних больверков. Скользящий съезд, песчаный пляж — и вот колеса машины скрылись в воде. Передняя дверь поднялась на крышу, и морская вода хлынула внутрь.

Темное, как чернила, море кишело мерцающими микроорганизмами. Волны набегали на желтовато-белый песок и покрывались темно-розовой пеной. Я направил бинокль на дальний от нас борт машины, надеясь рассмотреть доктора Менинка, когда тот выскользнет в воду. Увы, я увидел лишь обросшую ракушками фигуру. Прежде чем я разобрал детали, фигура скрылась под водой. Дверца закрылась, купальная машина выползла на берег.

— Можно поинтересоваться, где ты нашел столь необычное существо, шаттерлинг? Подобных доктору Менинку я не видел давным-давно, несколько десятков тысячелетий.

— Моей заслуги тут нет: я его не находил. Мне его навязали.

— Тебя послушать, это наказание.

— Так оно и есть. Шаттерлинги нашей Линии решили проверить, ответственный ли я, и подсунули непростого гостя.

— Мистер Небьюли, Лихнису просто не повезло. На наш последний сбор Воробейник, другой шаттерлинг, привез доктора Менинка. К тому времени Воробейник уже тяготился им и искал, на кого бы переложить заботы. Примерно тогда у Лихниса наметился маршрут, включавший в себя Вигильность.

— О Вигильности вам известно все, — проговорил я.

Мистер Небьюли глянул на небо, в сторону Пустоши. Он был в обтягивающем полосатом костюме, который заканчивался там, где человеческое тело сливалось с гнедым конским.

— Кое-что известно, шаттерлинг. Но из этого не следует, что мы когда-либо напрямую контактировали с ней.

Портулак пригубила вино.

— Как выяснилось, цель доктора Менинка — добраться до Вигильности. Он не просто непоколебимый отреченец, но и мнит себя знатоком древней истории.

— Стало быть, Лихниса доктор тяготит, — резюмировал мистер Небьюли.

— Помимо ремонта звездамбы, мне поручили доставить доктора Менинка на Вигильность и с помощью своих знакомств обеспечить ему прием, достойный высокого статуса ученого, — неограниченный доступ к секретным архивам и так далее. На Вигильности отреченцев не жалуют, а водных обитателей еще меньше, но предполагается, что я сумею уговорить местных...

Мистер Небьюли снова взглянул на море и задумчиво изрек:

— Напрашивается вывод, что ты, шаттерлинг, с заданием не справился.

— Почему, пока все идет по плану, — возразил я. — До Вигильности это последний шанс доктора поплавать, вот он его и использует. Вслед за Портулак я благодарю вас за хлопоты, которые вы взяли на себя из-за доктора.

Кентавр махнул рукой на мерцающий горизонт, за которым блеклой серебристой луной маячил корабль Портулак, слишком большой для посадочной площадки.

— Ничего особенного. В этом океане крупных хищников нет, но ради спокойствия вашего гостя мы просто заблокировали бухту. И надеюсь, не ошиблись с соленостью воды.

Разговор увял. Мистер Небьюли вышел к нашему столику не для светской беседы. Он хотел назвать цену того, что я выставлял на продажу. От его оценки многое зависело, хотя я старательно это скрывал.

— Спасибо, что показали мне свою космотеку, — сказал мистер Небьюли.

Я натянута улыбнулся, а вслед за мной и Портулак.

— Надеюсь, вас что-то заинтересовало.

— Да, конечно. Вы много путешествовали, много повидали, от других путешественников узнали массу интересного. Познакомиться с вашей космотекой — большая честь.

— Вам что-нибудь приглянулось?

Мистер Небьюли снова шаркнул подкованными копытами:

— Кое-что, шаттерлинг, но большинство твоих находок не представляют для меня особой ценности, несмотря на их уникальность. Если бы мы встретились двадцать килолет назад, получился бы другой разговор. Но минуло лишь одиннадцать килолет с тех пор, как нас посетил некий шаттерлинг Линии Горечавки, и лишь два килогода — как в нашем воздушном пространстве побывал Марцеллин.

— Эти марцеллины повсюду, — процедила Портулак.

— То, что вас все-таки заинтересовало...

— Вот тут у меня все по пунктам, — объявил мистер Небьюли и вытащил из кармана листок размером с салфетку. Кентавр расправил его — «салфетка» превратилась в «скатерть» и повисла в воздухе, покачиваясь на ветерке. Перед нами была таблица на одном из диалектов Языка.

Кентавры знакомы Линии Горечавки более восьми циклов. Они — тринадцатая форма живущих в системе, появились на руинах предыдущей цивилизации. Кентавры владеют этой системой и несколькими пригодными для жизни планетами в ее пределах, но дальше гало своей кометы не путешествуют. Главная их планета суперокеаническая, то есть целиком покрыта водой. Толстая голубая атмосфера содержит фотодиссоциировавший кислород. Хранители разрешили атмосферу, сделали ее менее агрессивной, бросили в безбрежный океан плавучие массивы суши, заселили стерильную воду неприхотливыми организмами. Гравитацию планеты не корректировали, поэтому прямоходящими кентавры не стали. Свое происхождение они помнят плохо, но куда лучше большинства молодых цивилизаций. По прогнозам Всеобщего актуария, у кентавров отличные шансы просуществовать еще как минимум пару миллионов лет при условии, что их амбиции будут скромными. По большому

счету, залог долголетия цивилизации — либо сиднем сидеть в одной системе, либо, подобно Линиям, окончательно и бесповоротно отказаться от планетарной жизни. Экспансионизм хорош только на первых порах, а в общем и целом бесперспективен. Молодые цивилизации это не останавливает, равно как и поучительный опыт шести миллионов лет.

Бесконечные становления-расцветы-крахи империй мы называем перерождениями. Кентавры — молодцы, что в него не ввязались.

— Как видите, наши предложения вполне разумны, — проговорил мистер Небьюли.

— Нет-нет, условия очень достойные, — зачастил я. — Просто я надеялся, что вы приценитесь к чему-то покрупнее.

— Я и сам надеялся, но прицениваться к уже известным нам данным бессмысленно.

— Неужели нам не достичь компромисса?

— Шаттерлинг, кентавры склонны к щедрости, но всему есть предел. Мы считаем наши условия справедливыми. Жаль, твоя космотека не слишком ценна для нас. Когда появятся новинки, добро пожаловать на нашу планету. — Кентавр сделал паузу. Три его копыта твердо стояли на земле, четвертое едва касалось ее передней частью. — Оставить вас вдвоем, чтобы вы обсудили наше предложение?

— Да, если можно.

— Я скоро вернусь. Еще вина?

— Нет, спасибо, — проговорил я, подняв руку.

Мистер Небьюли затрусил прочь по извилистой тропке мимо больверков. В отдалении стояли два кентавра в красной форме. Они держали флажки, символы некой гражданской организации.

Мистер Небьюли приблизился к соплеменникам и спокойно наблюдал за нами.

— Нам конец, — изрек я, уже не беспокоясь, что подслушают.

Портулак допила вино.

— Могло быть хуже. Небьюли готов что-то предложить.

— От его предложений ни жарко ни холодно.

На орбите мира кентавров продавали подержанные корабли. Приглянись моя космотека Небьюли, я выбрал бы себе ко-

рабль. На звездолете побыстрее «Лентяя» я бы и доктора Менинка отвез, и на сбор Линии почти не опоздал бы.

— Может, не стоит уступать, вдруг мистер Небьюли передумает?

— Передумать он должен кардинально. Даже если удвоит цену, тебе и на четверть корабля не хватит. Оптимальный вариант — принять предложение Небьюли. Новый корабль ты не купишь, зато модернизируешь «Лентяя».

— Быстроходнее его не сделать.

— Зато можно сделать безопаснее. Если не согласимся на условия Небьюли, получится, мы зря сюда прилетели. А так отправимся на Вигильность и избавимся от рыбомордого.

Доктор Менинкс словно услышал Портулак: его купальная машина завывала и снова двинулась в море, выпуская клубы черного дыма из-под заднего предкрылка. Дверь поднялась — внутрь хлынула вода. Я взялся было за бинокль, но любопытство уже иссякло. Обросшая ракушками фигура мелькнула на гребне волны и юркнула в машину. Дверь опустилась, и машина поползла на сушу.

— Тоже вариант, — тихо сказал я.

Портулак посмотрела на меня с вошедшим в привычку скептицизмом:

— Когда речь о тебе, варианты есть всегда.

— Перед посадкой я изучил соседние системы. Опасался, что мистер Небьюли будет несговорчив. Менее чем в сотне световых лет отсюда, почти по пути домой, есть планета Неламбий. Если верить космотеке...

— Если верить космотеке... Где же я это слышала?

— Да ты погоди! Есть на Неламбии один тип, постчеловек по имени Атешга. Говорят, кораблей у него даже больше, чем у Небьюли, и вряд ли он за них столько дерет.

— Что же мы сразу туда не полетели?

— Наша космотека немного устарела, поэтому доля риска присутствует.

— Доля риска. Это я тоже уже слышала.

— Еще мы оказались бы дальше от Вигильности — ну, если бы отправились напрямиком на Неламбий — и не смогли бы избавиться от доктора Менинка.

— Если космотека устарела, зачем вообще рассчитывать на Атешгу?

— Я сверялся с Актуарием, прогноз благоприятный.

Портулак откинулась на спинку плетеного кресла и посмотрела на меня разными, как у всех Горечавок, глазами:

— Так ты предлагаешь доплестись до Вигильности, забросить доктора, а потом махнуть к Атешге?

— Не совсем. Я предлагаю пропустить Вигильность.

На лбу у Портулак проступила глубокая морщина.

— Оставим его здесь?

— Пусть сам решает. Захочет — отвезу на сбор.

— Менинксу это не понравится.

— Ему вообще ничего не нравится, ты еще не заметила?

Тонкая фигурка двинулась по песку к купальной машине.

Когда она приблизилась и по крошащимся ступеням поднялась к дороге, стало видно, что это бумажный арлекин, усеянный блестящими каплями. Двухмерная фигурка — на ветру она дрожала не хуже листа с предложениями мистера Небьюли — была гуманоидным аватаром доктора Менинкса. Одновременно с доктором в нашу сторону зашагал Небьюли, оставив сородичей в красном. Кентавр опередил аватара на добрых сто метров.

— Достопочтимый шаттерлинг, могу поинтересоваться, приняли ли вы решение?

— Боюсь, с вашим предложением мы не согласимся, — ответил я. — Оно, безусловно, разумное, только я должен быть реалистом. Думаю, что продам свою космотеку выгоднее.

— Если надеетесь на Атешгу, предупреждаю, репутация у него скверная.

Я потер глаза — в них попал песок.

— Кто такой Атешга?

— Шаттерлинг, я лишь предупредил. Решение за тобой. — Небьюли провел ладонями по груди. — Жаль, мы не договорились, но это не мешает нам расстаться друзьями. Мы очень рады, что вы посетили нашу планету. Надеемся, вы довольны.

— Конечно довольны, — кивнула Портулак. — Вы прекрасно нас приняли, мистер Небьюли. Я всей Линии расскажу о вашем гостеприимстве.

— Очень любезно с твоей стороны. — Небьюли повернулся к подошедшему аватару и поклонился человеческой частью тела. — Купание получилось недолгим, доктор. Надеюсь, все прошло хорошо?

— Нет, ничего хорошего в купании не было, — пропищал аватар, — поэтому я и прервал его, как только смог. В воде какие-то темные существа, которых мой сонар не идентифицировал. Температура и соленость мне также не по вкусу. — Бумажная фигурка повернулась в мою сторону. — Лихнис, меня заверили, что информация о моих потребностях передана кому следует.

Я заерзал. Естественно, я объяснил кентаврам, что нужно доктору, и не сомневался, что они очень старались ему угодить. Но доктору Менинксу не угодишь — все ему плохо, все мало.

— Извините, доктор, это я цифры перепутал, — пробормотал я. — Виноват, ошибся.

— Сам решу, кого винить, — огрызнулся аватар. — Я так ждал этого купания! Ладно, забуду как страшный сон. Скоро я покину эту унылую планетку и устремлюсь навстречу Вигильности. Надеюсь, там умеют принимать гостей.

— Мистер Небьюли сделал все, что мог, — заверил я.

— Да, видимо, — отозвался аватар, словно гостеприимный кентавр не стоял рядом.

Настал момент, которого я с тревогой ожидал после высказывания мистера Небьюли о моей космотеке. Тянуть я больше не мог, хотя в тот миг хотелось лишь залезть в воду и плыть навстречу мерцающему горизонту, где, в зависимости от установки, защитная оболочка либо отпугнет, либо отторгнет, либо ранит, либо просто уничтожит меня.

— Доктор Менинкс, — начал я, сделав большой глоток живительного воздуха, — нам нужно кое-что обсудить.

ГЛАВА 2

Назвать Лихниса лентяем было бы неверно, ведь именно от лени Абигейл так старалась очистить наши характеры. Зато уклоняться от истины он умел мастерски. Дела отодвигал не на завтра, а на килогоды, порой отсрочки растягивались на добрый цикл. «Зачем делать сегодня то, что можно отложить на четверть миллиона лет?» — примерно под таким девизом он жил.

Тридцать один цикл это сходило Лихнису с рук, но нынешняя история с доктором Менинksom обещала стать расплатой за долгое везение. Лихнис шутил о выговорах и отлучении, словно хотел заранее свыкнуться с наказанием. Последние несколько циклов Линия с трудом терпела его выходки. Поэтому Лихнису доктора и спихнули. От обузы следовало избавиться при первой же возможности, а не таскать на борту по всей галактике.

От системы кентавров до Неламбия рукой подать — по планетарному времени всего девяносто лет полета, — но войти в одну из форм латентности все же пришлось. Лихнис предпочитал стазис, я, к его вящему удивлению, — замораживание и оттаивание. Едва выбравшись из криофага, я запросила у «Серебряных крыльев» информацию с датчиков. Помимо шелеста остаточной энергии, означавшей, что столетие назад здесь пролетал корабль, следов присутствия человека не обнаружилось.

Ни Атешги, ни его кораблей.

Я проштудировала анализ датчиков, перебралась на «Лентя», потом на мостик, где уже ждали Лихнис и доктор Менинкс. Лихнис откинулся на спинку кресла, рядом с ним стоял аватар. Оба смотрели на огромный, как стена, светящийся дисплеер. Слов я не разобрала, но благодаря акустике помещения поняла, что разговор не из приятных: голоса звенели от раздражения, кто-то отчаянно оправдывался.

О чем речь, я знала без объяснений.

Большую часть дисплеера занимала горизонтальная проекция Млечного Пути, основанная на данных космотеки о его текущем состоянии. Спиральные рукава отображались белыми, желтыми, золотыми, блекло-оранжевыми и ярко-оранжевыми штрихами. Звезд слишком много, по отдельности не разглядишь, только скоплениями. Четко просматривались лишь ярчайшие — супергиганты на конечной стадии, перерождающиеся в сверхновые, или молодые неустойчивые звезды типа Т-Тельца, ослепительно-голубыми или ядовито-красными глазами взирающие с пунктирных спиралей.

Диаметр основного диска, не считая внешнего витка Кольца Единорога, — девяносто тысяч световых лет. Обжитые планеты тянутся от ядра к спиральным рукавам, но наиболее засе-

лена широкая дуга Зоны комфорта, где жизнь на планетах требует наименьшей адаптации. Если оставаться в Зоне комфорта, за двести килолет корабль облетит галактику и по дороге посетит сотни систем. Это и есть цикл, двухсоткилогодичный интервал между сборами Линии Горечавки.

Последний наш сбор состоялся на планете у самого ядра спирального рукава Лебеда. С тех пор мы движемся по часовой стрелке, то наружу, к Шпоре Ориона, проходя в тысяче световых лет от Старого Места, то снова вглубь, через рукава Стрельца, Щита — Южного Креста и Персея, потом возвращаемся с другой стороны рукава Щита — Южного Креста. На дисплее наше продвижение обозначалось красной волнистой линией. Суперокеаническая планета кентавров в Щите — Южном Кресте, и пролетели мы всего ничего — крошечный, несоизмеримый с длиной спирали изгиб, — даже за пределы рукава не вышли. Красным пунктиром обозначалось расстояние, оставшееся до места сбора, — менее тысячи световых лет по направлению к рукаву Стрельца.

По меркам цикла мы были почти дома. Только хоть десять тысяч световых лет нам осталось, хоть девяносто тысяч — разве это пунктуальность?

Мы опаздывали, сильно опаздывали — и поделать ничего не могли.

— А вот и очаровательная Портулак. — Голос доктора Менинка звенел от негодования. — В отличие от тебя, Лихнис, она к моим жалобам прислушается. Портулак, ты ведь прислушаешься?

— Не знаю, доктор Менинкс, на что вы жалуетесь?

— Тебе непонятно? — Аватар показал тонкой бумажной рукой на дисплей. — Лихнис снова меня подвел! Мало того что он не доставил меня на Вигильность, так еще пытался сбить немытым, неотесанным конелюдям и равнодушно смотрел, как я тону в их загаженной бухте. Теперь ему хватает наглости заявить, что он опаздывает на сбор, где сможет передать меня в руки добрее и надежнее, чем у него.

— Я так не говорил! — Судя по тону, аргументов у Лихниса не осталось. — Я лишь предупредил, что мы немного опаздываем.

— А этот ваш сбор... Он ведь не начнется, пока вы не явитесь? На это ты намекаешь? — верещал аватар.

СОДЕРЖАНИЕ

Дом Солнц. <i>Перевод А. Ахмеровой</i>	5
Ночи белладонны. <i>Перевод К. Плешкова</i>	465
Тысячная ночь. <i>Перевод К. Плешкова</i>	485

Рейнольдс А.

Р 35 Дом Солнца : роман, повести / Аластер Рейнольдс ; пер. с англ. А. Ахмеровой, К. Плешкова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 576 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-20484-3

Когда еще только начиналась эпоха покорения звезд, Абигейл Джентиан разделила себя на тысячу мужских и женских клонов и назвала их шаттерлингами. За шесть миллионов лет шаттерлинги обзавелись самыми высокими технологиями, самыми быстрыми кораблями, самым мощным оружием. С помощью релятивистских скоростей и криосна эти люди научились манипулировать временем, и по сравнению с остальным человечеством они теперь бессмертные — их сравнивают с червями, проползшими сквозь страницы истории.

Для молодых цивилизаций они все равно что боги — могут спасти звезду от взрыва, переместить планету, оживить экономику целого мира.

Но с недавних пор во Вселенной появилась некая сила, стремящаяся уничтожить потомство Джентиан. Чтобы дать отпор этому беспощадному врагу, шаттерлинги должны сначала разгадать его тайну.

Кроме «Дома Солнца», в книгу включены две повести, сюжетно примыкающие к нему и повествующие о прошлом и будущем некоторых героев романа. На русском языке они публикуются впервые.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Литературно-художественное издание

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС ДОМ СОЛНЦ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Анастасия Келле-Пелле,
Дмитрий Капитонов, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.01.2022. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

H-KNF-29350-01-R